На правах рукописи

Петренко Михаил Николаевич

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ОСНОВАНИЯ И НРАВСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2023

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент **Суменков Сергей Юрьевич**

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов» **Ромашов Роман Анатольевич**

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П. А. Столыпина – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» **Милушева Татьяна Владимировна**

Ведущая организация – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Южный федеральный университет»** (юридический факультет)

Защита диссертации состоится «30» ноября 2023 г. в 14 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета 24.2.390.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» и на сайте: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/15-09-2023-1d.pdf

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент **В. В. Нырков**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. На всем протяжении общественного развития государственное принуждение вызывает интерес в качестве одного из важнейших и неотъемлемых элементов властной деятельности, вынужденного и объективно необходимого средства воздействия государства на социум. Его востребованность для должного обеспечения эффективного руководства обществом с одной стороны и продуцируемые имманентным ему вмешательством в сферу прав, свобод и законных интересов индивида делегитимационные риски – с другой, обусловили непреложную значимость освещения сущности и смысла государственного принуждения, а равно пределов его реализации.

Злободневность изучения оснований применения государственного принуждения детерминирована современными реалиями, в частности совершаемыми в отношении населения России террористическими актами и диверсиями, попытками вооруженного мятежа, а также различными проявлениями экстремизма и коррупции, диктующими неизбежность развития инструментов защиты как каждой отдельной личности, так и их объединений от всевозрастающих внутренних и внешних угроз. Нивелирование названных факторов, наряду с не утратившими своей опасности эпидемиологическими, техногенными, экологическими, пожарными и иными рисками, требует оправданного применения действенных ограничительных мер, одной из наиболее востребованных среди которых является государственное принуждение.

Присущая государственному принуждению интервенция в индивидуальные и коллективные интересы предопределяет проблему обоснованности применения такого принуждения и, самое главное, его пределов. Среди последних магистральную роль играют нравственные пределы, соблюдение которых не только обеспечивает защиту прав и свобод человека от несправедливого вмешательства, чем способствует укреплению легитимности государства, но и позволяет надлежащим образом применять само государственное принуждение, исключая из него любое безнравственное воздействие. О недопустимости последнего и, напротив, необходимости соответствия деятельности органов государственной власти высоким нравственным идеалам, гуманизму, милосердию, справедливости, говорится в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[1].

---

[1] См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977).

При этом установление и реализация нравственных пределов применения государственного принуждения вызывают множество трудностей, способных не только нейтрализовать достигнутые им положительные результаты, но и дискредитировать само право государства на его применение, что значительным образом ограничит возможность последнего противостоять наличествующим и возникающим вызовам, будет способствовать утрате доверия населения к нему. Изучение и разрешение насущных проблем правотворческого, правоприменительного и правоинтерпретационного характера, связанных с применением государственного принуждения, позволят усовершенствовать и фактически реализовать защитные меры от реальных и потенциальных опасностей, грозящих обществу и государству.

В названном контексте юридическая наука, в особенности общая теория права, нуждается в точном понимании сущности государственного принуждения, его дефинировании, обосновании как необходимости государственного принуждения, так и условий его применения, а также исследовании пределов государственного принуждения вообще и нравственных пределов в частности.

Изложенное позволяет обоснованно утверждать важность и своевременность научной разработки государственного принуждения, оснований и нравственных пределов его применения именно с общетеоретических позиций, что позволяет сделать вывод об актуальности избранной темы диссертации.

Степень научной разработанности темы. Государственное принуждение, его определение, свойства, признаки, основания и пределы применения всегда находились в зоне внимания представителей как философских, так и юридических, социологических, политологических, а также иных гуманитарных наук.

Первые попытки концептуального осмысления государственной власти и продуцируемого ей принуждения были предприняты в рамках политической философии такими мыслителями, как М. Вебер, Г. В. Ф. Гегель, Т. Гоббс, И. Кант, К. Маркс, Ф. Ницше, Т. Парсонс, М. Ротбард, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, А. Шопенгауэр и др. Свой существенный вклад в развитие представлений о государственном принуждении внесли такие отечественные философы, как А. А. Гусейнов, И. А. Ильин, С. В. Соловьева, И. В. Солонько и др.

С позиций политологии и социологии вопросы государственной власти и принуждения освещались А. Г. Аникевичем, М. К. Горшковым, С. Е. Каптеревым, В. В. Колотушей, В. Г. Ледяевым, И. М. Меликовым, А. Н. Строителевым, А. А. Федоровских, Ф. И. Шамхаловым и др.

В отечественной юридической науке государственное принуждение было рассмотрено С. С. Алексеевым, А. Д. Ардашкиным, Б. Т. Базылевым, М. И. Байтиным, В. В. Лазаревым, О. Э. Лейстом, С. В. Липенем, Н. В. Макарейко,

И. А. Минникесом, Д. А. Липинским, Г. И. Миняшевой, В. В. Петренко, А. С. Пучниным, А. П. Роговым, Э. А. Сатиной, О. И. Цыбулевской и др.

Непосредственно пределам государственного принуждения, осуществляемого государственной властью, посвятили свои изыскания А. А. Воротников, Т. В. Милушева.

Особенности государственного принуждения в правовом государстве были подробно рассмотрены в кандидатской диссертации А. П. Рогова, в которой затронуты вопросы нравственных критериев пределов государственного принуждения[1]. Указанная работа, безусловно, расширила представления о государственном принуждении, однако при всех неоспоримых достоинствах объективно не могла выявить весь конгломерат имеющихся проблем вследствие концентрации авторского внимания на своеобразии государственного принуждения лишь через призму правового государства.

Несомненный вклад в исследование взаимосвязи права и нравственности внесла докторская диссертация О. И. Цыбулевской, освещающая нравственные основания современного российского права[2].

В отраслевых юридических науках государственное принуждение затрагивалось в трудах Д. Н. Бахраха, С. И. Вершининой, А. И. Каплунова, П. А. Лупинской, И. В. Максимова, И. Л. Петрухина, А. А. Тарасова, С. А. Шейфера.

В научной литературе при рассмотрении вопросов государственной власти и принуждения преимущественное внимание акцентировалось на их понятии, сущности, признаках и условиях их легитимного осуществления. При этом отдельных исследований системы пределов применения государственного принуждения в целом, а в особенности нравственного предела, на монографическом уровне не проводилось.

Объект диссертационного исследования: общественные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в связи с применением государственного принуждения.

Предмет диссертационного исследования: государственная власть, обусловливающая возможность применения государственного принуждения, дефиниция, признаки и основания последнего, специфика нравственного предела применения государственного принуждения.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке и формировании концептуальных начал теории о государственном принуждении

---

[1] Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

[2] Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

как форме реализации государственной власти, оснований и нравственных пределов его применения.

Задачи диссертационного исследования:

– установить базовые признаки и предложить авторское определение государственной власти;

– дифференцировать государственное принуждение как метод и как форму реализации государственной власти;

– выявить характеристики государственного принуждения как формы реализации государственной власти и представить его дефиницию;

– осветить формы правореализации, используемые при осуществлении государственного принуждения;

– рассмотреть основания применения государственного принуждения во взаимосвязи с генеральными направлениями деятельности государства;

– аргументировать классификационное многообразие пределов применения государственного принуждения;

– раскрыть содержание нравственного предела государственного принуждения;

– показать специфику и значение нравственного предела применения государственного принуждения;

– систематизировать основные проблемы установления нравственного предела применения государственного принуждения и предложить пути их оптимизации.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность методов, обеспечивающих изучение предмета исследования и способствующих достижению поставленной цели, включающая в себя диалектический, логический, системный, функциональный, кибернетический метод, а также формально-юридический, сравнительно-правовой метод и др.

Основным методом исследования выступил диалектический, который позволил рассмотреть государственное принуждение как сложное многоаспектное явление. Благодаря диалектическим законам единства и борьбы противоположностей, закону отрицания-отрицания, освещены основания и пределы применения государственного принуждения, проблемы установления нравственного предела его применения. Посредством данного метода определен нравственный предел применения государственного принуждения в системе иных пределов. Логический метод позволил определить признаки и свойства государственного принуждения, пределов применения государственного принуждения, установить их содержание и сформулировать дефиницию.

В исследовании был задействован системный подход, который дал возможность выделить место государственного принуждения в системе форм реализации государственной власти, роль нравственного предела среди иных пределов применения государственного принуждения, а также функциональный

метод, который использовался для раскрытия оснований применения государственного принуждения. Кибернетический метод, включающий в себя принцип внешнего дополнения, положен в обоснование применения государственного принуждения как средства преодоления препятствий к реализации государственных функций.

В свою очередь, это потребовало использования таких специально-юридических методов научного познания, как формально-юридический метод, который позволил выявить специфику государственного принуждения и нравственного предела его применения при регламентации в правовых актах, и сравнительно-правовой метод, использовавшийся при соотнесении особенностей закрепления государственного принуждения в различных отраслях законодательного регулирования, а также при оценке изменения законодательства в рамках одной отрасли.

Нормативная и эмпирическая основа диссертационного исследования.

Нормативная основа исследования включает в себя Конституцию РФ, а также кодифицированные и некодифицированные федеральные законы, подзаконные нормативные акты.

Эмпирическую основу составляют правоприменительные и правоинтерпретационные акты судов, входящих в судебную систему России, положения которых изучались в проекции к проблемам установления нравственного предела применения государственного принуждения и путей их оптимизации. Среди них, в частности, акты Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ.

В качестве эмпирической основы также использованы статистические сведения Генеральной прокуратуры РФ, рассмотренные через призму государственного принуждения, обеспечивающего реализацию возложенных на государство функций.

Теоретической основой диссертационной работы служат труды таких ведущих отечественных и зарубежных ученых, как М. Вебер, Г. В. Ф. Гегель, А. А. Гусейнов, И. А. Ильин, И. Кант, Ф. Ницше, И. Г. Фихте, А. Шопенгауэр, а также исследователей общей теории права: С. С. Алексеева, М. И. Байтина, Н. А. Власенко, А. И. Клименко, В. В. Лазарева, О. Э. Лейста, С. В. Липеня, М. Н. Марченко, А. И. Овчинникова, Р. А. Ромашова, А. Ф. Черданцева, Г. Ф. Шершеневича, А. И. Экимова.

Рассмотрение государственного принуждения и его пределов детерминировало необходимость изучения научных позиций А. Д. Ардашкина, Б. Т. Базылева, А. А. Воротникова, И. П. Жаренова, Н. В. Ковлакаса, С. Н. Кожевникова, О. В. Кораблиной, Д. А. Липинского, Н. В. Макарейко, Т. В. Милушевой, В. В. Ныркова, А. П. Рогова, Т. Б. Темрезова, О. И. Цыбулевской.

Кроме того вопросы, возникающие в ходе исследования проблем установления нравственного предела при применении государственного принуждения, предопределили обращение автора к работам С. А. Белоусова, И. П. Кожокаря, А. В. Малько, А. А. Никитина, Д. Е. Петрова, С. Ю. Суменкова.

В исследовании учтены выводы и отдельные положения, содержащиеся в публикациях таких представителей отраслевых юридических наук, как Д. Н. Бахрах, С. И. Вершинина, А. И. Каплунов, Ф. М. Кудин, Д. Г. Нохрин, Б. В. Россинский, а также трудов таких зарубежных мыслителей, как М. Н. Берман, Д. Битхем, М. Блейк, А. Д'Амато, Ф. Корнуо.

Постижение специфики государственного принуждения и его пределов обусловило освещение воззрений А. Г. Аникевича, Д. Белла, Н. Я. Данилевского, В. Г. Ледяева, В. И. Ленина, К. Маркса, Э. Тоффлера, Ф. И. Шамхалова, Ф. Энгельса.

Научная новизна диссертационного исследования. Новизна диссертационного исследования предопределяется его целью, в соответствии с которой в работе государственное принуждение освещается как форма реализации государственной власти, не тождественная методу принуждения. Своеобразием характеризуется аргументация необходимости существования нравственного предела применения государственного принуждения как неотъемлемого условия выполнения государством своих внутренних и внешних функций.

Новшеством служит восприятие существующих пределов применения государственного принуждения в целом как многокомпонентной системы, а в частности – как обязательных ограничительных элементах применения государственного принуждения, способных подразделяться на общие и частные.

Оригинальностью отличается авторское утверждение о значимости нравственных постулатов в формировании пределов применения государственного принуждения, равно как вывод о правоприменении как единственно возможной интегративной форме реализации государственного принуждения.

Манифестируется обоснованность понимания оснований применения государственного принуждения в узком и широком смысле. Именно их наличие вынуждает государство использовать априори характеризующееся ограничительным характером принуждение.

Положения, выносимые на защиту:

1. Постулируется, что под государственной властью следует понимать направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества уполномоченные государством лица ограничивают

самостоятельные волевые действия (бездействие) субъекта (субъектов) за счет доминирования в любом легально доступном им властном ресурсе.

Государственная власть может выступать в различных формах, в том числе в форме принуждения, отличающегося приоритетностью использования психологического способа воздействия.

2. Формулируется, что неразрывность государственной власти и государственного принуждения объективно предопределяет сходство рассматриваемых понятий, что не свидетельствует об их тождестве.

Под государственным принуждением как формой реализации государственной власти предлагается понимать направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества и уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) принуждаемого субъекта (субъектов) за счет доминирования в легально доступном им властном ресурсе при сохранении у принуждаемого возможности самостоятельного поведения. Концептуальным признаком государственного принуждения, позволяющего определять его как относительно самостоятельный феномен, выступает значимость для уполномоченных государством лиц поведения принуждаемого субъекта (субъектов), основанного на их собственной воле.

Государственное принуждение постулируется как форма, а не метод реализации государственной власти. Это позволяет аргументировать тезис о том, что в названном значении государственное принуждение характеризуется комбинацией методов убеждения и принуждения, а не только сводится к последнему.

3. Устанавливается, что государственное принуждение осуществляется в форме правоприменения, аккумулирующего в себе также соблюдение, исполнение, использование.

Обусловленное спецификой каждой из форм правореализации применение, в частности, включает: соблюдение, порождающее возникновение обязанности у принуждаемого лица не нарушать нормативные пределы применения государственного принуждения; исполнение, детерминирующее обеспечение реализации закрепленных прав принуждаемого; использование, порождающее реакцию государства в случаях предусмотренной альтернативности в его действиях. Собственно применение характеризуется наличием у субъекта возможности принятия обеспечиваемых государством властных решений.

4. Предлагается подразделять основания применения государственного принуждения в узком и широком смысле.

Под основаниями применения государственного принуждения в узком смысле предлагается понимать совокупность нормативных и фактических

оснований его применения. Нормативные основания зафиксированы в нормах материального и процессуального права и устанавливают, соответственно, условия и порядок применения государственного принуждения. Фактические основания – это выполнение (либо, напротив, невыполнение) в объективной реальности принуждаемым лицом действий, которые обозначены в качестве нормативных оснований применения государственного принуждения.

К числу нормативных оснований применения государственного принуждения в условиях нормативной фиксации могут относиться как нарушения юридических норм, так и случаи злоупотребления правом либо реальная угроза нарушения прав и свобод человека. В свою очередь, процессуальными основаниями выступают нормы, устанавливающие правила и порядок реализации материальных оснований государственного принуждения.

В широком смысле под основаниями применения государственного принуждения предлагается понимать казуистические обстоятельства, требующие применения государственного принуждения для обеспечения реализации государством внутренних и внешних функций в условиях осуществляемого им противодействия.

5. Утверждается, что применение государственного принуждения является вторичной по отношению к убеждению, но объективно необходимой и основанной на законодательстве мерой. Оно требуется лишь при возникновении препятствий и обеспечения их преодоления, что необходимо для надлежащего осуществления государственных функций. Подобного рода принуждение применяется для нивелирования трудностей, возникающих в связи с неисполнением (ненадлежащим исполнением) отдельными лицами возложенных на них обязанностей либо при наличии реальной угрозы их неисполнения. Такие субъекты в установленном порядке мерами государственного принуждения понуждаются к осуществлению обязательных для них действий (бездействия), без которых функции государства не могут быть реализованы, задачи государства достигнуты, а защита прав и свобод граждан, интересов общества и государства – обеспечена.

6. Доказывается, что пределы применения государственного принуждения могут быть разграничены на общие и частные.

Общие пределы применения государственного принуждения формируются из конгломерата частных пределов и представляют собой контур диапазона отношений государственного принуждения, соответствующих всем требованиям, предъявляемым к нему частными пределами.

Частные пределы применения государственного принуждения предопределяются каждым общественно значимым фактором (экономическим, политическим, культурным, нравственным и др.), устанавливающим границы допустимости применения государственного принуждения исходя из главной, концептуальной детерминанты его непосредственной сущности (экономическая

возможность для экономики, культурная приемлемость для социокультурной сферы и т. д.). Названные пределы отделяют приемлемое с позиции соответствующего фактора применение государственного принуждения от неприемлемого, т. е. находящегося вне установленных границ.

Пределы применения государственного принуждения могут найти свое объективное выражение лишь в нормативной регламентации, что является необходимым условием и гарантией защиты прав и свобод человека, обеспечения интересов общества и функционирования государства. В контексте нормативного ограничения государственного принуждения лексема «граница» не является синимом слова «предел», соотносясь с последним как предпосылка и итог.

7. Утверждается, что важнейшие частные пределы применения государственного принуждения генерируются исходя из согласованности оказываемого на субъекта воздействия с критериями нравственности. Нравственные пределы применения государственного принуждения формируются на основе соответствия применяемой меры принудительного воздействия требованиям справедливости, а точнее таким ее аспектам, как обоснованность и соразмерность.

Под обоснованностью предлагается понимать основанность применения государственного принуждения на нравственно мотивированном соотношении деяния (или сложившихся обстоятельств применительно к реальной угрозе причинения вреда правам и свободам человека) и порождаемых им возможных вариантов государственно-принудительного воздействия на субъект (субъекты).

Под соразмерностью понимается такое соответствие применяемого государственного принуждения индивидуальным характеристикам субъекта, события или деяния, при котором обеспечивается корректировка воздействия на принуждаемое лицо в соответствии с нравственно одобряемыми обществом вариантами государственного принуждения (т. е. в соответствии с требованиями обоснованности), но с учетом казуального своеобразия, присущего каждому конкретному случаю.

Специфика коллективного бытия на каждом этапе развития оказывает непосредственное влияние на общественные представления о справедливом и несправедливом, тем более по отношению к применению государственного принуждения и его нравственным пределам. На постиндустриальном этапе особенности нравственных пределов применения государственного принуждения заключаются в необходимости реальной защиты прав и свобод человека, т. е. их фактического, а не декларативного обеспечения.

8. Аргументируется, что в качестве критериев установления нравственных пределов применения государственного принуждения следует использовать такие бинарные категории, как обоснованность и определенность, соразмерность и разумность.

Обоснованность применения государственного принуждения в проекции к его реализации служит выражением определенности государственного принуждения, тем самым обоснованность применения государственного принуждения является частным аспектом определенности как свойства права. В свою очередь, соразмерность применения государственного принуждения выступает олицетворением разумности правового воздействия. Органичное взаимодействие указанных пар в проекции к государственному принуждению свидетельствует о симфонии последнего одному из основных общеправовых принципов – принципу справедливости.

9. Отмечается, что к проблемам, осложняющим применение государственного принуждения, относится отсутствие четкого, единообразного и непротиворечивого дефинирования государственного принуждения законодателем в различных отраслях правового регулирования; присутствие юридико-лингвистических дефектов, связанных с нормативным обеспечением обоснованности и соразмерности применения государственного принуждения.

Точная институциональность государственного принуждения, закрепление его свойств и признаков в нормативном тексте являются как квинтэссенцией, лежащей в основе системности законодательства вообще, так и залогом эффективности и гуманистически осмысленной дифференцированности применения государственного принуждения в частности.

К числу весомых юридико-лингвистических дефектов, носящих комплексный характер и препятствующих полноценному существованию нравственного предела применения государственного принуждения, предлагается относить дефекты обоснованности (например, незакрепленность условий, порядка применения государственного принуждения) и соразмерности (отсутствие у правоприменителя возможности индивидуализации применяемой меры государственного принуждения и др.). Необходимость исключения подобного рода дефектов обусловливает важность выверенности пределов применения государственного принуждения при их нормативном закреплении.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена наличием пробелов в научных изысканиях о проблемах государственного принуждения, прежде всего оснований и нравственных пределов его применения, а равно констатацией дефицита в юридической науке работ, посвященных вопросам дефинирования, установления и существования нравственных пределов применения государственного принуждения. Приведенные автором доводы о государственном принуждении как форме реализации государственной власти, а также концептуальные модели пределов и оснований применения государственного принуждения способствуют развитию соответствующего сегмента общей теории права и государства.

Теоретическое значение имеет рассмотрение одного из доминантных пределов применения государственного принуждения – нравственного предела во всей его полиформии, а также специфики государственного принуждения на современном этапе общественного развития. Установленные в диссертации взаимосвязи между соразмерностью, обоснованностью, определенностью, разумностью и справедливостью при применении государственного принуждения способствуют его оптимизации и вносят определенный вклад в разработку аксиологических вопросов корреляции ограничений с реализацией государственной власти.

Практическая значимость диссертационного исследования. Результаты настоящего исследования востребованы в нормотворческой деятельности при формировании понятийного аппарата и совершенствовании регламентации применения государственного принуждения, разграничении допустимых и недопустимых проявлений последнего, а также закреплении его оснований и пределов.

Квинтэссенцией практической значимости работы является теоретическое обоснование пределов применения и оснований государственного принуждения, предоставляющее возможность уполномоченным лицам проецировать его результаты при вынесении суждений о допустимости потенциального или свершившегося применения государственного принуждения, для упорядочения правоприменительной практики и обеспечения ее единства в юридически значимых отношениях, требующих нравственной оценки применения мер государственного принуждения. Интересным для правоприменителей может быть использование выдвинутой автором идеи о бинарных группах (обоснованности и определенности; соразмерности и разумности), при мотивировке занимаемой позиции о справедливости каких-либо решений, связанных с применяемыми мерами государственного принуждения, его основаниями и нравственными пределами.

Полученные результаты также могут быть эксплицированы в правоинтерпретационную деятельность соответствующих субъектов при анализе установленных законом пределов допустимости применения государственного принуждения органами государственной власти.

Выводы, полученные в ходе исследования, могут оказаться полезными для общей теории права и государства, философии права и отраслевых юридических наук, а также быть использованы в преподавательской деятельности, подготовке лекционных курсов и проведении семинаров.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования прошли апробацию, имеющую научную направленность, в ходе участия автора в международных научно-практических конференциях, материалы которых опубликованы. Основополагающие положения диссертации изложены в 20 научных

публикациях автора, включая 7 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Диссертация подготовлена на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», где проходило ее обсуждение и рецензирование.

Структура диссертации предопределена целью, задачами и предметом исследования. Она состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его объект, предмет, цель и задачи, методологическая основа; анализируется степень научной разработанности заявленной проблемы; раскрывается научная новизна, приводятся положения, выносимые на защиту, излагается теоретическая и практическая значимость, а также результаты апробации диссертации и ее структуры.

Первая глава «Общетеоретическая характеристика государственного принуждения» состоит из двух параграфов и посвящена рассмотрению с общетеоретических позиций государственной власти и государственного принуждения. В главе рассматриваются их концептуальные свойства и признаки, предлагаются авторские дефиниции, обосновывается возможность рассмотрения государственного принуждения как формы реализации государственной власти.

В первом параграфе первой главы «Государственная власть как детерминанта государственного принуждения» с учетом сложившихся в философии, политологии, социологии, юриспруденции подходах автором последовательно выделяются и рассматриваются свойства власти в одном из наиболее значимом для гуманитарного знания контексте – как отношения между властвующим и подвластным. К числу важнейших признаков властеотношения отнесен его социальный и целевой характер; конфликтность, возникающая в связи с расхождением воли участников данного отношения; преобладание ресурсов властвующего над ресурсами подвластного.

Как следствие формулируется гипотеза о том, что под властью следует понимать общественное отношение, заключающееся в подавлении властвующим воли подвластного за счет доминирования властвующего в доступных ему ресурсах и направленное на достижение стоящих перед ним целей.

Государственная власть априори имеет названные характеристики власти как базовой категории, обособляясь от нее, прежде всего, выступающим от

имени общества государственным должностным лицом либо специально уполномоченным субъектом, а также нормативной регламентированностью отношений.

Исследуя цели государственной власти, диссертант приходит к выводу о верности абстрагированного подхода к их дефинированию, полагая, что государственная власть направлена не на достижение каких-либо заранее установленных и неизменных ориентиров, а определяется обществом в зависимости от актуальных на настоящий момент вызовов и тенденций. Кроме того, государственная власть характеризуется ограничениями самостоятельных волевых действий (бездействия) со стороны подвластного лица на период ее реализации. Воля подвластного при этом сохраняется, однако ограничивается (в различной степени) в возможности осуществления до окончания государственно-властного воздействия.

Важное значение имеют социальный характер и нормативная регламентированность отношений государственной власти.

Социальный характер приведенных отношений предполагает возможность участия в них как со стороны властвующего, так и со стороны подвластного лишь физических лиц. При этом выступающее на стороне властвующего лицо обладает статусом государственного должностного лица (либо уполномоченного государством лица). С позиции численности участников фактических отношений государственная власть может осуществляться в любой комбинации: лицо – лицо, лицо – группа лиц, группа лиц – группа лиц.

Нормативная регламентированность государственной власти обусловливает использование должностными лицами государства и уполномоченными им субъектами не каждого, а сугубо легально доступного им властного ресурса. Властвующий может использовать любой фактически доступный ему властный ресурс (экономический, политический, психологический и др.), соответствующий требованиям легальности.

Рассмотрение различных доктринальных подходов, имеющихся в науке, позволило автору сформулировать умозаключение о том, что под государственной властью следует понимать направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) субъекта (субъектов) за счет доминирования в любом легально доступном им властном ресурсе.

В зависимости от способов подчинения подвластного властвующему государственная власть может выступать в различных формах, в том числе в форме принуждения, в форме силы. Для каждой из данных форм государственная власть является детерминантой, т. е. базовой,

обусловливающей их существование категорией. Государственное принуждение, как форма реализации государственной власти, отличается приоритетностью использования психологического способа воздействия, в связи с чем предполагает меньшее, по сравнению с властью в форме силы, вмешательство в область прав и свобод принуждаемого субъекта.

Во втором параграфе первой главы «Государственное принуждение: понятие и сущность» соискателем последовательно рассматриваются многочисленные и разнообразные концепции его понимания и дефинирования.

Корреляция государственного принуждения с государственной властью дает возможность сделать вывод об их: а) неразрывности; б) неоднозначности существующих между ними связей; в) противоречивости их единства; г) оптимальности развития. При рассмотрении с диалектических позиций указанные качества свидетельствуют о соотношении государственного принуждения и государственной власти как формы и содержания. Отмечается, что такая позиция хотя и является дискуссионной, тем не менее имеет место в юридических исследованиях.

Государственное принуждение постулируется как форма, а не метод реализации государственной власти. Это позволяет аргументировать тезис о том, что в названном значении государственное принуждение отличается комбинацией используемых методов, а именно убеждения и принуждения. Созвучность государственного принуждения как формы реализации государственной власти и принуждения как её метода свидетельствует об их омонимичности, но не тождественности. Восприятие государственного принуждения как формы государственной власти позволяет охватить весь комплекс связей между убеждением и принуждением как методами в рамках объективизации государственного принуждения как формы реализации государственной власти.

Определение государственного принуждения как формы реализации государственной власти, а последней, в свою очередь, как детерминанты государственного принуждения, обусловливает представленную его формулировку. Государственное принуждение – это направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества и уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) принуждаемого субъекта (субъектов) за счет доминирования в легально доступном им властном ресурсе при сохранении у принуждаемого возможности самостоятельного поведения.

Данная дефиниция, основанная на единстве государственной власти и государственного принуждения, их взаимосоответствия как статики и динамики, общего и частного, объективно предполагает сходство рассматриваемых понятий, не означающего, однако, их полного совпадения.

Концептуальным признаком государственного принуждения, позволяющего определять его как относительно самостоятельный феномен, выступает значимость для уполномоченных государством лиц поведения принуждаемого субъекта (субъектов), основанного на их собственной воле (волеизъявление последних).

Основными свойствами государственного принуждения, интегрирующими его со смежными категориями, прежде всего с государственной властью в форме силы, являются следующие: а) субъект легально обладает властными ресурсами для осуществления воздействия; б) причинами возникновения отношений служат расхождения воль их участников, выполняющих противостоящие роли; в) отношения, возникающие по поводу воздействия властвующего на подвластного, обладают социальной природой и нормативно регламентированы; г) отношения реализуются должностными лицами государства (либо по их поручению иными субъектами) от имени общества в целом.

Подробно рассматривается соотношение государственного принуждения как формы реализации государственной власти с насилием и господством. В результате установлено, что государственное принуждение коррелирует с насилием как правомерное и неправомерное деяние, а с господством – как особенное и общее.

Во второй главе «Основания и нравственные пределы применения государственного принуждения», состоящей из двух параграфов, раскрываются основания и пределы применения государственного принуждения, а также специфика формирующей нравственные пределы применения государственного принуждения справедливости.

В первом параграфе второй главы «Основания применения государственного принуждения» рассматриваются концептуальные подходы к пониманию присущей государственному принуждению форме реализации правовых предписаний. Высказывается суждение о том, что государственное принуждение осуществляется в форме правоприменения, аккумулирующего в себе также соблюдение, исполнение, использование.

Применение, как одновременно интегрирующая и магистральная форма реализации государственного принуждения, отличается обусловленными своеобразием каждой формы правореализации чертами. Так, в частности, соблюдение порождает возникновение обязанности у принуждаемого лица не нарушать нормативные пределы применения государственного принуждения; исполнение детерминирует обеспечение реализации закрепленных прав принуждаемого; использование порождает реакцию государства в случаях предусмотренной альтернативности в его действиях. Собственно применение характеризуется наличием у субъекта возможности принятия обеспечиваемых государством властных решений.

Итогом обобщения различных точек зрения на основания применения государственного принуждения как формы реализации государственной власти послужил авторский вывод об обоснованности и необходимости их дифференцированного восприятия в узком и широком смыслах.

Под основаниями применения государственного принуждения в узком смысле предлагается понимать совокупность нормативных и фактических оснований его применения. Нормативные основания зафиксированы в нормах материального и процессуального права и устанавливают, соответственно, условия и порядок применения государственного принуждения. Фактические основания – это выполнение (либо, напротив, невыполнение) в объективной реальности принуждаемым лицом действий, которые обозначены в качестве нормативных оснований применения государственного принуждения.

Подчеркивается, что первичным нормативным основанием выступают именно материальные основания, закрепляющие триггеры применения государственного принуждения. К их числу, в условиях нормативной фиксации, могут относиться как нарушения юридических норм, так и случаи злоупотребления правом либо реальная угроза нарушения прав и свобод человека. В свою очередь процессуальными основаниями выступают нормы, устанавливающие правила и порядок реализации материальных оснований государственного принуждения.

Критически оценивается отнесение некоторыми авторами правоприменительного акта к числу самостоятельных правовых оснований применения государственного принуждения. Уязвимость данного тезиса объясняется приданием сторонниками названной позиции дискретного характера правоприменительной процедуре, что подразумевает искусственное отделение процесса реализации вышеуказанных законодательных требований от порождаемого ими правореализационного акта.

В широком смысле под основаниями применения государственного принуждения предлагается понимать казуистические обстоятельства, требующие применения государственного принуждения для обеспечения реализации государством внутренних и внешних функций в условиях осуществляемого им противодействия, а в конечном итоге для защиты прав и свобод человека.

Делается вывод о том, что применение государственного принуждения является вторичной по отношению к убеждению, но объективно необходимой и основанной на законодательстве мерой. Оно требуется лишь при возникновении препятствий и обеспечения их преодоления, что необходимо для надлежащего осуществления государственных функций. Подобного рода принуждение применяется для нивелирования трудностей, возникающих в связи с неисполнением (ненадлежащим исполнением) отдельными лицами возложенных на них обязанностей либо при наличии реальной угрозы их

неисполнения, т. е. олицетворяющими воспрепятствование свободе, а следовательно, является правовым по своей природе (И. Кант). Такие субъекты в установленном порядке мерами государственного принуждения склоняются к осуществлению обязательных для них действий (бездействия), без совершения которых функции государства не могут быть реализованы, задачи государства достигнуты, а защита прав и свобод граждан, интересов общества и государства – обеспечена.

Проводится детальное соотнесение государственного, общественного и корпоративного принуждения, в результате чего обосновывается, что указанные разновидности принуждения не являются антагонистичными и функционируют во взаимосвязи, взаимопроникая и усиливая друг друга.

Во втором параграфе второй главы «Нравственные пределы применения государственного принуждения», суммируя позиции отечественных и зарубежных ученых, предлагается дифференцировать пределы применения государственного принуждения на общие и частные.

Общие пределы применения государственного принуждения формируются из конгломерата частных пределов и представляют собой контур диапазона отношений государственного принуждения, соответствующих всем требованиям, предъявляемым к нему частными пределами.

Частные пределы применения государственного принуждения предопределяются каждым общественно значимым фактором (экономическим, политическим, культурным, нравственным и др.), устанавливающим границы допустимости применения государственного принуждения, основываясь на главной, концептуальной детерминанте его непосредственной сущности (экономическая возможность для экономики, культурная приемлемость для социокультурной сферы и т. д.). Названные пределы отделяют приемлемое с позиции соответствующего фактора применение государственного принуждения от неприемлемого, т. е. находящегося вне установленных границ.

Указанные детерминанты связаны между собой (экономика связана с политикой и правом, право с нравственностью и т.д.) и в проекции на социальные отношения образуют более чем сложный конгломерат пересечений продуцируемых ими границ допустимости государственного принуждения. Подобного рода корреляция может быть: а) полной, если совокупность подобного рода границ формирует единую общую границу применения государственного принуждения, одинаково разделяя допустимое и недопустимое принудительное воздействие; б) частичной, если производные от различных факторов границы не совпадают.

Отмечается, что пределы применения государственного принуждения могут найти свое объективное выражение лишь в нормативной регламентации, что является необходимым условием и гарантией защиты прав и свобод человека, обеспечения интересов общества и функционирования государства. В

контексте нормативного ограничения государственного принуждения лексема «граница» не является синимом слова «предел», соотносясь с последним как предпосылка и итог.

Важнейшие частные пределы применения государственного принуждения генерируются исходя из согласованности оказываемого на субъект воздействия с критериями нравственности. Под нравственными пределами применения государственного принуждения предлагается понимать нормативно определенную границу применения государственного принуждения как формы реализации государственной власти, формируемую на основе соответствия меры принудительного воздействия требованиям справедливости, а точнее таким ее аспектам, как обоснованность и соразмерность.

Под обоснованностью предлагается понимать основанность применения государственного принуждения на нравственно мотивированном соотношении деяния (или сложившихся обстоятельств применительно к реальной угрозе причинения вреда правам и свободам человека) и порождаемых им возможных вариантов государственно-принудительного воздействия на субъекта (субъектов). Под соразмерностью понимается такое соответствие применяемого государственного принуждения индивидуальным характеристикам субъекта, события или деяния, при котором обеспечивается корректировка воздействия на принуждаемое лицо в соответствии с нравственно одобряемыми обществом вариантами государственного принуждения (т. е. в соответствии с требованиями обоснованности), но с учетом казуального своеобразия, присущего каждому конкретному случаю.

Потенциальная темпоральная коллизия между нравственностью и правом, вызываемая объективной задержкой формализации изменившихся нравственных директив, обусловливает возможность представителей социума легальным образом ходатайствовать о корректировке применяемой меры государственного принуждения в отдельных, приходящихся на период существования указанного противоречия, ситуациях. Последнее должно всегда соответствовать предусмотренным для данных случаев нормативным требованиям, в том числе установленной процедуре. Приведенное несоответствие может носить как единичный, так и множественный характер; происходить на уровне законов и (или) подзаконных нормативных актов, как магистральной форме выражения российского права; затрагивать предметы регулирования отдельных самостоятельных отраслей права либо являться комплексными, т. е. включать две и более сферы регламентации.

Отмечается, что специфика коллективного бытия на каждом этапе развития оказывает непосредственное влияние на общественные представления о справедливом и несправедливом, тем более по отношению к применению государственного принуждения и его нравственным пределам. На

постиндустриальном этапе особенности нравственных пределов применения государственного принуждения заключаются в необходимости реальной защиты прав и свобод человека, т. е. их фактического, а не декларативного обеспечения. Такой подход способствует взаимовыгодному развитию партнерских отношений между обществом и государством (О. И. Цыбулевская).

В третьей главе «Проблемы установления нравственных пределов применения государственного принуждения и пути их оптимизации» внимание уделено установлению нравственных пределов применения государственного принуждения, а также предложениям и рекомендациям, направленным на разрешение и нивелирование связанных с ними сложностей.

Постулируется, что характерный для применения государственного принуждения высокий уровень вмешательства в сферу прав и свобод человека, с одной стороны, необходимого для защиты граждан, а с другой – недопущения утраты доверия социума к государственной власти и государству в целом, требует демаркации применения государственного принуждения от его противоположности – беспредела.

При этом отмечается, что само по себе наличие нравственных пределов не обеспечивает достижения абсолютной справедливости в обществе. Надлежащему ограничению реализации государственного принуждения препятствуют технико-юридические дефекты, вызывающие более чем значимые критические последствия ввиду важности регламентируемых отношений. Их острота предопределена потенциальной возможностью государственного принуждения вторгаться в основополагающие личные и имущественные права и свободы человека. Дефекты в данной сфере, особенно в вопросах регламентации пределов применения государственного принуждения, искажают волю общества и способны принести существенный, а в ряде случаев непоправимый, вред индивиду и делегитимационный урон государству.

К проблемам, осложняющим применение государственного принуждения, относятся отсутствие четкого, единообразного и непротиворечивого дефинирования государственного принуждения законодателем в различных отраслях правового регулирования; присутствие юридико-лингвистических дефектов, связанных с нормативным обеспечением обоснованности и соразмерности применения государственного принуждения.

Так, в регламентирующих преобладающее число мер государственного принуждения законодательных актах Российской Федерации, в частности в Уголовном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Кодексе административного судопроизводства РФ, Кодексе об административных правонарушениях РФ, Уголовно-исполнительном кодексе РФ, Федеральном законе от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральном законе от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», понимание государственного принуждения, в том

числе целей его осуществления и установленных правоограничений, значения поведения принуждаемого лица для принуждающего, состава участников отношений (как на стороне принуждающего, так и принуждаемого) не совпадают. Формулировка государственного принуждения у субъекта правотворчества в каждом из указанных актов либо отличается от содержащихся в иных названных законах, либо вовсе в них не присутствует, что способствует такому негативному явлению, как правовой хаос (В. Д. Зорькин). Последний более чем опасен в правоприменительной практике, особенно в рамках межотраслевой регламентации отношений, возникающих при применении государственного принуждения и сопутствующих ему ограничений.

Точная институциональность государственного принуждения, закрепление его свойств и признаков в нормативном тексте являются как квинтэссенцией, лежащей в основе системности законодательства вообще, так и залогом эффективности и гуманистически осмысленной дифференцированности применения государственного принуждения в частности.

К числу весомых юридико-лингвистических дефектов, носящих комплексный характер и препятствующих полноценному существованию нравственного предела применения государственного принуждения, предлагается относить дефекты обоснованности (например, незакрепленность условий, порядка применения государственного принуждения) и соразмерности (отсутствие у правоприменителя возможности индивидуализации применяемой меры государственного принуждения и др.).

В качестве критериев установления нравственных пределов применения государственного принуждения предлагается использовать такие бинарные категории, как обоснованность и определенность, соразмерность и разумность.

Обоснованность применения государственного принуждения в проекции к его реализации служит выражением определенности государственного принуждения, тем самым обоснованность применения государственного принуждения является частным аспектом определенности как свойства права. В свою очередь соразмерность применения государственного принуждения выступает олицетворением разумности правового воздействия.

Отмечается, что обоснованность применения государственного принуждения корреспондирует определенности права, соразмерность – его разумности, а в целом названные феномены соответствуют справедливости, играющей роль базиса нравственных пределов применения государственного принуждения. Органичное взаимодействие указанных пар в проекции к государственному принуждению свидетельствует о симфонии последнего одному из основных общеправовых принципов – принципу справедливости.

Делается вывод о том, что пределы применения государственного принуждения, как и само государственное принуждение, а в глобальном смысле все правовое регулирование, должно быть обоснованным, определенным, соразмерным, разумным, а значит, в конечном итоге – справедливым.

В **заключении** подводятся итоги диссертации, сформулированы основные результаты работы, отмечается перспективность дальнейшего изучения применения государственного принуждения как формы реализации государственной власти, нормативных и фактических оснований применения государственного принуждения, а равно его нравственных пределов.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. **Петренко, М. Н.** О «насилии» и «принуждении» во властной деятельности / М. Н. Петренко // Пробелы в Российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 178–181. (0,5 п. л.).
2. **Петренко, М. Н.** О понимании феномена власти в науке / М. Н. Петренко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 3 (52). – С. 20–25. (0,5 п. л.).
3. **Петренко, М. Н.** О критериях допустимости государственного принуждения / М. Н. Петренко // Инновации и инвестиции. – 2015. – № 2. – С. 175–177. (0,4 п. л.).
4. **Петренко, М. Н.** О понимании в науке государственного принуждения как формы реализации государственной власти / М. Н. Петренко // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (46). – С. 77–82. (0,5 п. л.).
5. **Петренко, М. Н.** О содержании, теоретических основаниях и критериях допустимости государственно-правового принуждения / М. Н. Петренко // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1 (51). – С. 75–79. (0,4 п. л.).
6. **Петренко, М. Н.** Государственно-правовое принуждение на современном (постиндустриальном) этапе общественного развития / М. Н. Петренко // Право и практика. – 2020. – № 3. – С. 42–47. (0,5 п. л.).
7. **Петренко, М. Н.** Нравственный предел применения государственного принуждения / М. Н. Петренко // Право и практика. – 2022. – № 1. – С. 17–22. (0,5 п. л.).

8. **Петренко, М. Н.** О понимании феномена принуждения в российской науке / М. Н. Петренко // Современная наука: тенденции развития : материалы V Международной научно-практической конференции (Краснодар, 23 июля 2013 г.) / ред. кол.: Бисалиев Р. В. и др. – Краснодар : Априори, 2013. – Т. 1. – С. 191–193. (0,2 п. л.).

9. **Петренко, М. Н.** К вопросу о понимании признаков государственной власти в науке России / М. Н. Петренко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 8 (55). – С. 222–225. (0,4 п. л.).

10. **Петренко, М. Н.** О понимании в юридической науке феноменов власти и принуждения / М. Н. Петренко // Тенденции и инновации современной науки : материалы XIV Международной научно-практической конференции (Краснодар, 24 июня 2014 г.) / ред. кол.: Бисалиев Р. В. и др. – Краснодар : Априори, 2014. – С. 34. (0,2 п. л.).

11. **Петренко, М. Н.** О понимании принуждения в уголовном праве / М. Н. Петренко // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Сер. : Юридические науки. – 2014. – № 4 (19). – С. 80–83. (0,4 п. л.).

12. **Петренко, М. Н.** О понимании принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве / М. Н. Петренко // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 12-1 (40). – С. 106–109. (0,3 п. л.).

13. **Петренко, М. Н.** К вопросу о типологии индивидуальных видов власти // II Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы Международной научно-практической конференции (Калининград, 13 декабря 2013 г.) – Калининград : Калининградский фил. Санкт-Петербургского ун-та МВД Российской Федерации, 2014. – С. 109–110. (0,2 п. л.).

14. **Петренко, М. Н.** О понимании принуждения в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации / М. Н. Петренко // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 4 (60). – URL: http://web.snauka.ru (дата обращения: 20.11.2022).

15. **Петренко, М. Н.** Справедливость как критерий допустимости государственного принуждения / М. Н. Петренко // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 2 (66). – URL: https://human.snauka.ru (дата обращения: 15.06.2022).

16. **Петренко, М. Н.** О расчете распределения принуждающего воздействия государственной власти при регламентации общественных отношений как способе выявления и минимизации делегитимационных рисков государства / М. Н. Петренко // Актуальные вопросы науки : сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Сочи, 27 мая 2017 г.) /

ред. кол.: Ю. П. Грабоздин (отв. ред.), А. А. Ермошкин, М. В. Шингарева – Сочи : ЦНИК, 2017. – С. 48–50. (0,2 п. л.).

17. **Петренко, М. Н.** Государственно-правовое принуждение: отдельные проблемные вопросы / М. Н. Петренко // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 9 (113). – URL: https://web.snauka.ru (дата обращения: 09.09.2022).

18. **Петренко, М. Н.** О понимании государственного принуждения в Федеральном законе «О полиции» / М. Н. Петренко // Юридический факт. – 2021. – № 144. – С. 8–11. (0,3 п. л.).

19. **Петренко, М. Н.** Пределы применения государственного принуждения: сущность и структура / М. Н. Петренко // Ростовский научный вестник. – 2021. – № 11. – С.82–83. (0,2 п. л.).

20. **Петренко, М. Н.** К вопросу о нравственном пределе применения государственного принуждения / М. Н. Петренко // Аспирант. – 2021. – № 11 (68). – С.64–66. (0,3 п. л.).